

Антропоцентрический подход к семантике слова.

Жданов В.Н

«В каждом языке мир представлен по-разному, понимается по-разному. Мы смешиваем вещи и слова — вещи воспринимаем так, как они даны в словах, и величайший акт культурного развития состоит в освобождении мысли из плена слова. Масса заблуждений человеческой мысли на протяжении всей ее истории сводится к тому, что все рассматривается с какой-то узкой точки зрения, из какого-то одного центра, и именно, в частности, из своего языка. Язык — наш благодетель, но он и он и наш враг, потому что он нас ведет к неправильным понятиям.

Изучение двух языков освобождает нас от влияния слова, показывает нам вещи так, как на самом деле они существуют в природе».

(Л. Щерба.)

Эти слова академика Щербы в нашем эпиграфе, относясь несколько опосредованно к теме статьи, тем не менее, глобально определяя суть изучения иностранных языков, указывают магистральное направление методологических поисков. Исходя из концепции Щербы, изучение иностранных языков нельзя свести просто к приобретению определенной суммы знаний по грамматике, лексике, фонетике и др. или к овладению речевыми

навыками. И это не просто открытие нового мира, это объективное открытие мира вообще. Для осуществления этого «открытия», то есть, для овладения иностранным языком как инструментом постижения мира, необходимо глубинное соприкосновение с общим социально-культурным пространством, в котором функционирует изучаемый язык.

При этом следует также иметь в виду то разграничение языка на «внутренний» и «внешний», которое сделал Н. Хомский, то есть язык личности, функционирующий на базе ментально-лингвального комплекса (как пишут современные исследователи — МЛК), представляющего «единицу мышления, сознания и языка» («В.В. Морковкин, А.В. Морковкина. Русские агнонимы. М., 1997, с.20) и язык текстов. Такого рода разделение обуславливает в свою очередь и наличие двух подходов к изучению языка и языковых явлений: лингвоцентрический подход и антропоцентрический. В традиционной лингвистике, на базе которой создано большинство словарей и учебников, в том числе и учебников по русскому языку как иностранному, доминирует лингвоцентрический подход, когда дается лишь непосредственное представление языковых категорий и описание языковых форм вне причинно-обозначенной связи с социальными, этническими, психологическими и другими факторами, конкретно определяющими МЛК индивидуума. Антропоцентрический же подход имеет в виду прежде всего взаимодействие языка и человека, исходя из социальных, этнических, этических и прочих условий. Как пишет Ю.Н. Караулов «нельзя познать сам по себе язык, не выйдя за его пределы, не обратившись к его творцу, носителю, пользователю — к человеку, к конкретной языковой личности» (Ю.Н. Караулов. Русский язык и языковая личность. М., 1987, с.263). Одним из основоположников антропоцентрического подхода был уже процитированный выше академик Щерба, а из современных исследователей следует назвать в первую очередь Ю.Н. Караулова и В.В.

Антропоцентрический подход к семантике слова. (Жданов В.Н.)

Морковкина, на концепции которого базируется и наше небольшое сообщение.

Антропоцентрический подход возможен по отношению ко всем языковым сферам, но особенно значимо он проявляет себя в области лексики, поскольку в значении слов более всего выражается та или иная национально-психологическая специфика. Это вполне соотносится со словами академика Л. Щербы об «освобождении мысли из плена слова». Лексическая система более динамична, подвижна, открыта и непосредственно зависима от постоянно изменяющегося окружающего мира.

С позиции лингвоцентрического подхода «значение слова есть известное отображение предмета, явления или отношения в сознании..., входящее в структуру слова в качестве так называемой внутренней его стороны, по отношению к которой звучание слова выступает как материальная оболочка, необходимая не только для сообщения его другим людям, но и для самого его возникновения и развития». (А.И. Смирницкий. Лексикология английского языка. М., 1956 с.185). Но если обратиться к конкретно-реальному функционированию слов в в том или ином языке, то легко заметить, что помимо своего основного информационного значения слово может нести дополнительную эмоционально-смысловую значимость (коннотацию), которую невозможно вычлениить вне социально-культурного контекста и во многом благодаря которой формируется в сознании личности более объективная и независимая картина видения мира (что и имел в виду Л. Щерба). Эта дополнительная смысловая значимость обычно совершенно ускользает из коммуникативного поля носителя языка. Приведем несколько самых заурядных примеров. «Береза» для для многих иностранцев просто название определенной породы дерева, для русских же в этом слове заложен более глубокий смысл, связанный с тем, что это самое дорогое и любимое дерево, нередко символизирующее Россию как родину.

И если слова швейцарца Николая из рассказа Чехова «Скучная история»: «Мороз. Ваше превосходительство!» можно исходя из общего контекста понимать как однозначную констатацию погоды, то во многих других случаях слово «мороз» имеет дополнительную смысловую окраску, суть которой сводится к тому, что «мороз» это явление приятное, полезное для здоровья и любимое настоящим русским человеком.

В зависимости от времени и социальной ситуации оценка того или иного явления, выражаемая значением слова, может полярно меняться. Если например, взять такие выражения, как «он верит в бога», «он коммунист», он демократ», то в разные временные периоды для большинства русских людей эти выражения носили, как абсолютно положительный, так и абсолютно отрицательный оценочный характер. И уловить эту оценочную характеристику можно лишь исходя из контекста и передаваемой им социально-политической ситуации. Как раз тут и необходим антропоцентрический подход. Пренебрежение им может вести может привести не только к непониманию отдельных слов, но и больших явлений, например произведений искусства или политических событий. Когда президент России Ельцин говорил о премьер-министре Черномырдине как о “тяжеловесе”, он имел в виду коня-тяжеловеса, который может везти самый большой груз. Но многие японские комментаторы поняли эти слова в буквальном смысле, как тяжелый человек, то есть имеющий большой вес. Для русских птица грач— символ наступающей весны, поскольку эти птицы первыми прилетают из южных стран в Россию ранней весной. В Японии грачи почти неизвестны и в некоторых справочниках и словарях они представлены как разновидности ворон. Поэтому картина художника Саврасова «Грачи прилетели», которая в русском сознании представляется радостной и веселой, была охарактеризована японским лектором как необычайно мрачная и унылая. Если не знать названия картины или эмоционально-оценочного значения слова «грачи», то,

действительно, ничего радостного и веселого в этой картине не увидишь.

При антропоцентрическом подходе к семантике слова становится прежде всего очевидной оценочная или значимая сторона того или иного явления. Возьмем к примеру такие слова, как «хлеб» и «рис». Слово «хлеб» формально переводится на русский язык как «パン», которое однако никак не может передать все бесчисленное многообразие хлебобулочных изделий в России. Сдобу, выпечку, всякие крендели и баранки, хотя они и относятся к хлебобулочным изделиям, обычно никто не называет хлебом. А русское слово «рис» не может передать множество значений лексико-тематического поля этого слова в японском языке. Ведь за этими значениями открывается огромный национально-исторический опыт, предопределивший решающую роль этих продуктов в жизни русского и японского народов, поэтому японец, если он рассматривает русский язык как инструмент постижения мира, не должен представлять себе «хлеб» как нечто однородно цельное. Равно как и русский, изучающий японский язык, по отношению к слову «рис».

Глагол 替える формально переводится как «возвращаться», однако в японском языке его значение обычно связывается с возвращением в родные места, на родину, что в целом отражает характерное для японского менталитета особое и, на наш взгляд, более сильно выражаемое, чем в России, чувство привязанности к родным местам.

Смысловая значимость слова 先生 представляется более сильной, чем слова «преподаватель».

В изучении иностранных языков, как и в процессе изучения родного языка основополагающую роль обычно играет лингвоцентрический подход, помогающий дать базовые знания о языке как о системе определенных языковых явлений. Для более глубокого освоения иностранного языка, как средства постижения другой культуры, иного менталитета и в этом смысле

постижения реальности вообще необходимо также и использование антропоцентрического подхода, учитывающего неповторимую специфику языка, определяемую историческим, социальным, психологическим опытом индивидуумов данной этнической группы.

Использованная литература:

- 1) Бенвенист Э. Общая лингвистика. М., 1974.
- 2) Бондарко А.В. Значение и смысл. Л., 1978.
- 3) Верещагин Е.М. Костомаров В.Г. Язык и культура. Изд. -3, М., 1983.
- 4) Выготский Л.С. Психология искусства. Минск, 1998.
- 5) Гак В.Г. Русский язык в сопоставлении с французским. М., 1975.
- 6) Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. М., 1987.
- 7) Кисилева Л.А. Некоторые теоретические проблемы методики обучения общению на русском языке как иностранном. — В книге: Обучение иностранцев общению на русском языке. Л., 1983.
- 8) Леонтьев А.А. Теория речевой деятельности. М., 1971.
- 9) Лосев А.Ф. Бытие. Имя. Космос. М., 1993.
- 10) Моррис Ч.У. Знаки и действия. В книге: Семиотика. М., 1983.
- 11) Морковкин В.В. Морковкина А.В. Русские агнонимы. М., 1997.
- 12) Савельева Т.М. Психологические вопросы овладения русским языком. Минск, 1983.
- 13) Щерба Л.В. Избранные работы по русскому языку. М., 1957.
- 14) Якобсон Р.В. в поисках сущности языка. В книге: Семиотика. М., 1983.
- 15) Chomsky N. Knowledge of Language. New York, 1986.
- 16) Topics in the History of Psychology. Ney Jersey, London, 1985.